

* * *

Быстробежее время,
Быстролюбая плоть...
Верим или не верим,
Как себя побороть?

Ни в наём, ни в угоду
Нарезают круги
Быстрохожие годы –
То друзья, то враги.

Жизнь вращает свой джойстик
С ускореньем в сто крат.
Погодите, постойте ж,
Дайте сделать стоп-кадр!

Мы ж как лодки на суше,
На задворках в порту:
В щелеватые души
Гонит шторм пустоту.

Память – радость и бремя,
Опыт – груз и почёт...
Быстрозрелое племя
Чертит новый черёд.

Но и в плотном соседстве
Дней и судеб – гляди! –
Стародавнее сердце
Бьётся чайкой в груди!

* * *

Давно не целовал твоей руки,
Как будто в этом не было резона.
Прогнозы лет, как в юности снежки,
Летят в окно по правилам сезона.

Пусть даже буду несколько смешон
На фоне дня, бульвара, снегопада,
Лицо по брови спрячу в капюшон,
Чтоб избежать взыскующего взгляда.

Шаги скользнут по линиям судьбы,
Споткнутся на запястье о морщины...
Прогнозы не спасают от мольбы,
А правила стареют, как мужчины.

Прости меня, что много-много лет
К твоей руке я не слетал, как птица.
Причин серьёзных оправдаться нет,
Есть повод за былое повиниться.

Как прах вчерашний, капюшон смахну,
И хлынет мир весёлый и цветастый
В мои зрачки. К твоей руке прильну
И тихо прошепчу: «Владей и царствуй!»

* * *

Она бушевала манерно, как дамочка,
Вгоняла пространство в озябшую плоть,
Смеялась и тут же рыдала, когда уже
Эмоций в себе не могла побороть.

Бросалась волчицей с холма по валежнику,
Почуяв добычу у поймы реки,
Затем возвращалась на прежнее лежбище
И в мёрзлую землю вонзала клыки.

Минуя бульвар с переулком по конусу,
Клубилась, как дым, и стелилась, как пух,
И пела волшебным, пронзительным голосом,
Лаская отчаянным путникам слух.

Она рисовала ромашки и лилии,
Лепила фигурки, чертила круги...
И не было в мире мгновений счастливее,
Чем женская шалость февральской пурги.

* * *

Минута слабости, как вечность,
Минута силы – яркий миг.
Я эти дни сомкну в колечко
Счастливых разностей моих.

И будет в них февраль проказник,
Смешав оттенки и тона,
Готовить масленицы праздник
С округлой щедростью блина.

И будут тонко петь капли,
Не заглушая птичий гам,
Чтоб мы быть сильными умели
И светлым верили слезам...

Минута слабости, что гостья,
Минута радости – жена.
Наверно, жить всегда непросто,
Но жизнь и в слабости сильна.

* * *

Смятенье... И листья метут и метут
То ветры, то дворники здесь и повсюду.
Смятенье – рубеж, непокорный редут.
Смущенье... Смещенье... Смещение люда...

Ты в гуще – затылок в затылок, рот в рот,
Не где-то поодаль, не сбоку, не с краю...
Орёт благим матом крутой поворот:
«Тут нет порубежного выхода к раю!»

Надрывное сердце кленовым листом
Впивается в глотку мятежного ряда:
«Мы все тут рождённые в муках Христом,
А ты нас толкаешь на поиски ада!»

Редут за редутом, рубеж к рубежу...
То ветры, то дворники... Скученно, ржаво.
Не осень – смятенье и пёстрая жуть...
А раньше тут просто дорога бежала.

* * *

Забуть того, кто был тобой,
Родиться заново по воле
Больницы с башней и трубой,
С тропой берёзовой вдоль поля.

Там, в прошлом, свет и красота,
Любовь, надежды, голос мамы...
А здесь – черта, черта, черта
Из чётких очертаний рамы.

И всё, что выхватит зрачок,
Вмиг станет жертвой перекрестья...
И память давит на висок:
Коль погибать, так только вместе.

Сличив и стыки, и слои
Времён минувших и текущих,
Скомкаешь образы свои
И в форточку – на сон грядущий.